

О критике культуры как ценности

Огурцов А.П.

8 мая 2024 г. исполняется 10 лет со дня смерти философа, теоретика науки и культуры Александра Павловича Огурцова (14 сентября 1936 — 8 мая 2014), доктора философских наук, около четверти века работавшего в Институте философии РАН. Его друзья и коллеги в 2016 г. издали сборник «Философ и наука. Александр Павлович Огурцов», где рассказано и о его жизненном пути, и о его философском деле. Ныне вниманию читателя предлагается рукопись Александра Павловича, которую я условно назвала «О ценности». Она писалась для нашей совместной книги «Время культуры», но в нее он включил лишь небольшую часть, названную «Аксиология культуры: М. Хайдеггер»¹, и где в центре его размышлений все-таки было понимание немецким мыслителем экзистенциализма как фундаментальной онтологии: «Он делает акцент на онтологической природе культуры, на ее сопряженности с бытием, на том бытийном свете, которым светятся подлинные творения культуры»².

Предлагаемый текст в гораздо большей степени направлен на критику новоевропейской культуры, которую он рассматривает как человеческое бытие, измерением которого «стало расстояние и число», что в немалой степени соответствует современному ее состоянию.

Текст публикуется без изменения (некоторые вставки — в квадратных скобках). Он представляет собой три фрагмента, некоторые из которых вошли в текст «Времени культуры» в отредактированном виде. И эта редакция обнаруживает ход мысли самого Александра Павловича (А.П.), меняющего акценты внутри проблемы. Переводы цитат из «Введения в метафизику» сделаны самим Огурцовым. Я даю отсылки к существующим сейчас на русском языке переводам для сравнения. Поскольку «Введение в метафизику» вышло на русском языке в 1997 г., то на этом основании можно предположить, что текст создавался до этого времени, переводился с немецкого оригинала, страницы, на которые ссылается А.П. (а он в этом отношении был очень аккуратен), не совпадают с теми, на которых размещены похожие цитаты в русских изданиях. Остальные цитаты сверены, ссылки на найденные мною названия работ, на которые ссылается Огурцов, помещены в подстрочнике.

¹ Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб.: РХГИ, 2000. С. 163–170.

² Там же. С. 170.

Аннотация: Речь в публикации А.П. Огурцова идет о современном М. Хайдеггеру понимании культуры, которая свидетельствует о духовном падении мира и о замещении понятия «дух» понятием «культура» в специфическом значении — как ценности, что Хайдеггер считает «высшим святотатством», ибо в числе ценностей фигурирует Бог. Такое понимание культуры связано с «секуляризацией мысли и с забвением бытия, ценностное мышление укореняется в воле к власти». Существенно, что и для нашего времени нередко понимание культуры как ценности.

Ключевые слова: Хайдеггер, культура, ценность, бытие, сущее, дух, субъективация, идея, воля к власти.

Во «Введении в метафизику» (1935) [М.] Хайдеггер говорит о «духовном падении Земли», о помрачении мира, бегстве богов, разрушении земли, омассовлении человека, о нетерпимом презрении ко всему творческому и свободному на всей земле. Эту позицию он не называет культурным пессимизмом, имея в виду О. Шпенглера, поскольку он предсказывает разворачивание новых исторических духовных сил немецкого народа, новый поворот в историческом бытии немецкого народа, а тем самым и в судьбе Европы, где решается, по его словам, судьба Земли.

Его оценка европейской культуры после «краха немецкого идеализма» весьма критична. «Человеческое бытие начало соскальзывать в мир без глубины. Господствующим измерением стало расстояние и число». Бытие превращается в сущее, которое мыслится и оказывается на деле поставщиком энергии и вещества для техники. Утверждается господство рассчитывающего, а не осмысляющего мышления. Наука оказывается ядром всей культуры. Формируется ложное истолкование духа. Это ложное истолкование Хайдеггер усматривает в четырех тенденциях. Во-первых, в интерпретациях духа как умственной способности, сводящейся к понятливости и подсчету. Во-вторых, в превращении духа в инструмент чего-то иного — либо управления и производства, либо порядка и прояснения всего предстоящего. В-третьих, в превращении духа в мир культуры, который делится на различные области и становится объектом попечения и планирования. «Духовный мир становится культурой, в сотворении и содержании которой ищет своего осуществления отдельный человек. Эти области становятся полями свободной деятельности, которые устанавливают свои мерилы в значении, которого она еще добивается. Эти мерилы деятельности по поставлению и использованию зовутся ценностями. Культурные ценности утверждают свое значение в целом культуры посредством только того, что удерживаются в рамках самостоятельности — поэзия ради поэзии, искусство ради искусства, наука ради науки»³. «Дух как целенаправленная умственная способность и дух как культура в конце концов становятся предметами роскоши и обеспеченности»⁴.

³ Ср.: Хайдеггер М. Введение в метафизику / Перев. с нем. Н.О.Гучинской. СПб.: ВРФС, 1997. С. 128–129.

⁴ Ср.: там же. С. 130.

Дух сам Хайдеггер определяет как знающую решимость, коренящуюся в изначальной настроенности к существу бытия. Там, где бытийствует дух, бытийствует бытие. Вопросание о бытии — одно из условий пробуждения духа⁵.

В «Письме о гуманизме» Хайдеггер как бы подводит итог своей критике философии культуры, апеллирующей к ценностям и строящейся как теория ценностей: «Мысль, идущая наперекор “ценностям”, не утверждает, что все объявляемое “ценностями” — “культура”, “искусство”, “наука”, “человеческое достоинство”, “мир” и “Бог” — никчемно. Наоборот: пора понять, наконец, что именно характеристика чего-то как “ценности” лишает так оцененное его достоинства. Это значит: из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки. Но то, чем нечто является в своем бытии, не исчерпывается своей предметностью, тем более тогда, когда предметность имеет характер ценности. Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Она оставляет сущему не быть, а — на правах объекта оценки — всего лишь считаться. В своих странных усилиях доказать во что бы то ни стало объективность ценности люди не ведают, что творят, когда “Бога” в конце концов объявляют “высшей ценностью”, то это принижение божественного существа. Мышление в ценностях здесь и во всем остальном — высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию. Мыслить против ценности не значит поэтому выступать с барабанным боем за никчемность и ничтожество сущего, смысл здесь другой: сопротивляясь субъективации сущего до голого объекта, открыть для мысли просвет бытийной истины»⁶.

В определении культуры как мира ценностей Хайдеггер выявляет фундаментальный акт оценивания, который есть расценивание и сравнение, т. е. расчет того, «на что рассчитывают и с чем считаются»⁷ (с. 164). Оценка и есть «сущностно понятый расчет», который «впервые только и делает возможным и необходимым планирование и калькуляцию «в чисто вычислительном смысле». «Этот сущностный расчет — основная черта того оценивания, через которое всё оцененное и расцененное в качестве обуславливающего имеет характер “ценности”» (с. 165). Господство в современной культуре калькулирующего и рассчитывающего мышления, технично-проективной мысли оказывается укорененным в акте оценивания и в восприятии бытия как мира ценностей. Человек мыслится как что-то расцениваемое и оцениваемое, как ценности, а сущее — как то, что само требует расчета и оценки.

Хайдеггер обращает внимание на различные типы объяснения бытия. Во-первых, на традиционное, христианско-богословское объяснение мира. Во-вторых, на способ объяснения, представленный в начале западной метафизики Платоном, объясняющим мир, т. е. совокупность сущего, через идеи. И, наконец, третий способ объяснения, представленный прежде всего [Ф.] Ницше, объяснение мира через ценности. Это — завершение метафизики. Для европейской метафизики «идеи» и «ценности» — это «орудия истолкования мира и организации жизни» (с. 175). Культурная деятельность распалась на ряд автономных областей — политику, науку, искусство, общество. Способом их объединения оказывается «мировоззрение», взгляд на мир, картина мира. Здесь достигается

⁵ См.: Новый круг. 1993. № 1. С. 129–130.

⁶ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 212.

⁷ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 164. Ссылки на «Время и бытие» в тексте. — С.Н.

сведение бытия к сущему, господство над сущим, превратившимся в нечто производное и произведенное волей к власти. Препрежнее противопоставление бытия и долженствования преодолевается. Бытие начинает мыслиться с точки зрения долженствования, с точки зрения ценностей: «Само бытие становится простой “ценностью”»⁸ (с. 180). Нигилизм — это эпоха в истории человечества, эпоха «бытийной оставленности», превращения бытия в устраиваемость, ставящее себе на службу всё и вся, в том числе и самого человека. Это — эпоха забвения бытия во имя «расходования сущего для манипуляций техники» (с. 188), во имя «планирующе-рассчитывающего обеспечения результатов» (с. 183), во имя «самоорганизующего процесса выхватывающего изготовления»⁹ (с. 207). «Мир, — как заметил Хайдеггер, — взвешивается по “ценностям”»¹⁰ (с. 361).

Размышляя над словами Ницше «Бог мертв», Хайдеггер проводит мысль о том, что европейская метафизика на этапе своего завершения утрачивает трактовку Бога как сверхчувственной основы и цели всего действительного; для нее исчезает сверхчувственный и обязательный мир. Ничто становится единственным «прибежищем» человека, и оно расширяется во все стороны, проникая во все сферы человеческого существования. Он говорит об эпохе нигилизма как эпохе «диктатуры Ничто»¹¹ (с. 175).

Новоевропейская история раскрывается в метафизике субъективности. Поэтому Хайдеггер и говорит о том, что необходимо «вглядеться в *метафизический* источник идеи ценности»¹² (с. 122). Метафизика субъективности началась с философии Декарта и завершается нигилизмом Ницше, где «мышление в ценностях прикрывает крушение существа бытия и истины. Ценностное мышление само есть “функция” воли к власти» (с. 140). Бытие превращается в метафизике субъективности в сущее как объект «воли к власти, которая устанавливает ценности и все мыслит как ценность» (с. 159). Каждый философ начинает с переоценки ценностей, с переопределения бытия, мыслимого как ценность. Уже в самом начале метафизики — в философии Платона, в его идее «блага» — Хайдеггер усматривает «предварительный набросок ценностной идеи», хотя сама ценностная идея чужда и Платону, и всей античной философии. Бытие мыслится уже у Платона как представленное, как условие, которым распоряжается субъект и с которым он должен считаться, если он хочет, чтобы предметы могли предстоять перед ним. Условия, с которыми надо считаться, — это то, что называет Платон «благом», а Ницше — «ценностями». Новоевропейская метафизика субъективности, пройдя от Декарта с его отождествлением идеи и восприятия к Канту с его акцентом на «условие возможности опыта», приходит к истолкованию бытия как условия возможности и как «обеспечения возможности», как то, что придает смысл, цель, назначение, порядок, т. е. как ценность.

Критика аксиологической философии культуры

⁸ Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. — С.Н.

⁹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. — С.Н.

¹⁰ Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. — С.Н.

¹¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 175 (слова А.П. «далее сноски на это издание в тексте» ошибочны. — С.Н.).

¹² Хайдеггер М. Европейский нигилизм. — С.Н.

Говоря о метафизике субъективности, превращающей бытие в сущее — предмет представления, Хайдеггер усматривает в ценностном определении культуры восполнение этого забвения бытия. Сущему приписывается та или иная ценность, «измеряют сущее ценностями», а целью всякого поступка и усилия делается ценность. Тем самым и культура понимается как система ценностей, а «ценности становятся культурными ценностями, а те в свою очередь вообще выражением высших целей творчества на службе самообеспечения человека как субъекта»¹³ (с. 56). Для Хайдеггера восприятие сущего как мира ценностей — последний шаг в забвении бытия; во-первых, ценности превращаются в мир предметов в себе, самодостаточных и самозаконных предметов; во-вторых, ценностное определение предметного мира связано с возникновением картины мира, т. е. с возникновением науки и метафизики Нового времени, и в-третьих, ценностное определение мира, в том числе и мира культуры, рассматривается Хайдеггером как неадекватное бытие, как «немогущее и прохудившееся прикрытие для потерявшей объем и фон предметности сущего»¹⁴ (с. 56).

Как же определяет ценности Хайдеггер? Ценность совпадает с благом, с тем, что значимо, стояще. «Значимо то, что играет важную роль... Значимость есть род бытия. Ценность имеет место только в том или ином ценностном бытии. Вопрос о ценности и ее существовании коренится в вопросе о бытии»¹⁵ (с. 71). Итак, статус ценности Хайдеггер возвратил к вопросу о бытии. В ходе своего анализа он выявляет связь ценности и цели (ценить что-то означает считаться с этим, что уже предполагает какую-то цель), ценности и основания (ценность — то, в чем имеет свое основание всякое «дело», пребывает в нем и из него черпает свою устойчивость).

Ценностный подход к культуре возник, по Хайдеггеру, лишь в XIX в. Он называет имя Г. Лотце, который превратил платоновские идеи в ценности, Ницше с его мыслью «переоценки ценностей» как выражения европейского нигилизма. После появления подхода к культуре как миру ценностей этот подход экстраполировался на иные культуры и «заговорили о “культурных ценностях” Средневековья и “духовных ценностях” античности, хотя ни в Средневековье не было ничего подобного “культуре”, ни в античности — ничего подобного “духу” и “культуре”. Дух и культура как желательные и испытанные виды человеческого поведения существуют только с Нового времени, а “ценности” как фиксированные мерилы этого поведения — только с новейшего времени. Отсюда не следует, что прежние века были “бескультурными” в смысле погружения в варварство, следует только вот что: схемами “культура” и “бескультурье”, “дух” и “ценность” мы никогда не уловим, к примеру, историю греческого человечества в ее существовании»¹⁶ (с. 72). Хайдеггер весьма последователен в своем акценте на историчность таких оппозиций, как «культура — некультура», «бытие — ценность», связывая трактовку культуры как мира ценностей лишь с новоевропейской историей и подчеркивая неподвластность всей предшествующей истории такого рода схемам описания и объяснения. Для Хайдеггера не приемлемо распространенное представление о культуре как области, где развертывается духовная и творческая деятельность как мира ценностей, которыми человек дорожит. Подобное представление, как замечает Хайдеггер, не в состоянии измерить всей

¹³ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. — С.Н.

¹⁴ Там же. — С.Н.

¹⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. — С.Н.

¹⁶ Там же. — С.Н.

глубины существа культуры, раскалывая ее на отдельные, ценностно значимые области культурного производства. Для него культура возникла как замещение религиозного культа, как секуляризация иудейско-христианских представлений о творчестве Бога. Утверждение новоевропейской метафизики разрушило авторитет Бога и Церкви, поставив на их место «авторитет рвущегося сюда же разума». Бегство от мира в сверхчувственный мир заместилось историческим прогрессом, поскольку потусторонние цели вечного блаженства оказались подмененными идеалами земного рая для большинства. «Попечение о религиозном культе сменяется вдохновенным созиданием культуры или распространением цивилизации. Творческое начало, что было прежде отличительной чертой библейского Бога, отмечает теперь человеческую деятельность. Человеческое творчество переходит, наконец, в бизнес и гешефт»¹⁷ (с. 177). Период метафизики для Хайдеггера — это не просто определенный период в истории философской мысли. Это способ бытия, «пространство исторического совершенства» (с. 178), причем такого свершения, которое забывает о бытии и оказывается гниением. Оно связано не столько с отпадением от христианства (Хайдеггер высказывает мысль поистине ницшеанскую: «может случиться ведь и так, что и само христианство представляет собой следствие и определенное выражение нигилизма»), сколько с утратой творческих сил, с осознанием невозможности осуществить идеальный мир, с обесценением высших ценностей. «Мир выглядит лишенным ценности... осознание всего этого направляет ищущий взор к источнику нового полагания ценностей» (с. 181). Парадоксально, но так: мир лишается сверхчувственной ценности и одновременно в XIX в. «мыслить ценностями становится делом привычным» (с. 182), мир интерпретируется как ценностно определяемый. «Говорят о жизненных ценностях, о культурных, о вечных ценностях, об иерархии ценностей... Ученые занятия философией, реформа неокантианства приводит к философии ценностей. Тут строят системы ценностей. Даже в христианской теологии Бога... определяют как наивысшую ценность. Науку полагают свободной от ценностей, всякое оценивание относя на сторону мировоззрений. Ценность, как и все ценностное, становится позитивистской заменой метафизического» (с. 182–183).

В этих последних словах Хайдеггера — суть его позиции. При своем завершении новоевропейская метафизика, обращаясь к ценностной точке зрения на мир, разрушает себя, замещая метафизическое, сверхчувственное позитивными ценностями, т. е. сущим, рассматриваемым как нечто ценное, оцениваемое как ценное. Для Хайдеггера существенно то, что ценность — это лишь точка зрения, это взгляд-на, кругозор, это субъективная оценка. Ценность значима лишь до тех пор, пока она признается. Какого-либо объективного бытия сами по себе ценности не имеют. Будучи связанным с секуляризацией мысли и с забвением бытия, ценностное мышление укореняется в воле к власти. Для Хайдеггера основной принцип философии Ницше раскрывает существо метафизики как обоснования господства субъекта. Вместе с волей к власти выявляется и принцип ценностного полагания, исток ценностей, чем поддерживается и направляется всякое оценивание. «Мысля сущее в его бытии как волю к власти, метафизика необходимо мыслит сущее как полагающее ценности. Она все мыслит в горизонте ценностей, их значимости, обесценения и переоценки» (с. 192).

¹⁷ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. (Здесь и далее номера страниц в тексте. — С.Н.)

Воля к власти оказывается принципом ценностного полагания и постижения действительности.

Бытие способно к самопроявлению, самопросветлению. В нем самом скрыта способность к предпониманию, «структура предпонимания». Эта возможность предпонимания или просветления бытия раскрывается в деятельном совершении (Besorgen), представленном в двух формах — «сподручного» (Zuhandenes) и «просто наличного» (Vorhandenes). «Сподручное» и позволяет бытию самопроявиться, превращая вещь в нечто сделанное, сотворенное, произведенное на свет (Zeug). Именно в горизонте «сподручности» вещь оказывается просветлением бытия, утратив характер непосредственной предметной наличности и простой служебности. Бытие открывается через Dasein, через его деятельную заботу, мир культуры и мир слова. И это не знаковое отношение, которое укоренено в бытии¹⁸, а онтологическое отношение феномена к бытию. Мир созданных вещей, мир культуры и мир слова — это самоговoreние бытия, сказ бытия. Понимание этого «сказа бытия» всегда «в пути», вытекает из заброшенности человека в мир заботы и из проективности его бытия. Эта проективность предполагает постоянное расширение горизонта мира, которое и достигается благодаря деятельной заботе и культуре, особенно культуре поэтического языка.

(вставка)¹⁹

Хайдеггер противопоставляет эйдетический и аксиологический подходы к культуре. Если для первого подхода характерно определение культуры как идеи, как идеального мира, противопоставляемого материальному, как идеального образца, устойчивого и инвариантного по сравнению с лабильным и текучим миром явлений, до определения культуры как ценности, [которое] субъективизирует ее, укореняет ценность в оценке, связывает ее с полезностью, утилитарностью и служебностью для человек[еских] потребностей. Эйдетическое определение культуры подчеркивает скорее объективно-идеальный, духовный статус культуры, ее спиритуалистически-гностический х[аракте]р, в то время как аксиологическое определение культуры делает акцент на отношении субъекта к объекту, наделяемого ценными свойствами, как фундам[ентальном] значении оценки и актов оценивания для трактовки ценностей. Правда, сам Х[айдеггер] нередко уравнивает эйдетико-спиритуалистический подход к культуре с аналитически-субъективным, считая последний завершением первого. Но все же это два разных подхода и соответственно два различных определения культуры. Причем он не улавливает особенности христианского определения культуры, противостоя и спиритуалистически-гностическому, и субъективно-аксиологическому, предполагает и спец[иальную] трактовку и бытия [нрзб.], и мышления как воплощения Бога.

Публикация С.С. Неретиной

¹⁸ См.: *Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков. Иваново, 1994. С. 128.

¹⁹ Это очевидная вставка в книгу «Время культуры» (с. 169), которая была затем отредактирована. — С.Н.

Литература

1. Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб.: РХГИ, 2000. С. 163–170.
2. Новый круг. 1993. № 1.
3. *Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков. Иваново, 1994.
4. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.
5. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие.
6. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // *Хайдеггер М.* Время и бытие.
7. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // *Хайдеггер М.* Время и бытие.
8. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
9. *Хайдеггер М.* Время картины мира // *Хайдеггер М.* Время и бытие.
10. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику / Перев. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: ВРФШ, 1997.

References

1. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. *Vremya kultury* [Time of culture], St. Peterburg, RKhGI, 2000, p. 163 — 170. (In Russian.)
2. *Novyj krug*, 1993, no. 1. (In Russian.)
3. Portnov A.N. *Yazyk i soznanie: osnovnye paradigmy issledovaniya problem v filosofii XIX–XX vekov* [The language and consciousness: the main paradigms for studying problems in philosophy in the 19th–20th centuries], Ivanovo, 1994. (In Russian.)
4. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter on Humanism], in: Heidegger M. *Vremya i bytie*, Moscow, Respublika, 1993. (In Russian.)
5. Heidegger M. *Evropejskij nigelizm* [European nihilism], in: Heidegger M. *Vremya I bytie*, Moscow, Respublika, 1993. (In Russian.)
6. Heidegger M. *Preodolenie metafiziki* [Overcoming Metaphysics], in: Heidegger M. *Vremya i bytie*, Moscow, Respublika, 1993. (In Russian.)
7. Heidegger M. *Uchenie Platona ob istine* [Plato's doctrine of truth], in: Heidegger M. *Vremya i bytie*, Moscow, Respublika, 1993. (In Russian.)
8. Heidegger M. *Slova Nicshe «Bog mertv»* [Nietzsche's words "God is dead!"], in: Heidegger M. *Raboty I razmyshleniya raznyh let*, Moscow, Gnozis, 1993. (In Russian.)
9. Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [World picture time], in: Hajdegger M. *Vremya i bytie*, Moscow, Respublika, 1993. (In Russian.)
10. Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics], perevod s nemetskogo N.O. Guchinskoj. St Peterburg, RKhGI, 1997.

On the criticism of culture as a value

Ogurtsov A.P. (1936 — 2014)

Abstract: Speech in the publication of A.P. Ogurtsov talks about the contemporary understanding of culture by M. Heidegger, which testifies to the spiritual fall of the world and the replacement of the concept of “spirit” with the concept of “culture” in a specific meaning — as a value, which Heidegger considers “the highest sacrilege”, because God appears among the values. This understanding of culture is associated with “the secularization of thought and the oblivion of being; value thinking is rooted in the will to power”. It is significant that in our time it is not uncommon to understand culture as a value.

Keywords: Heidegger, culture, value, being, existence, spirit, subjectivation, idea, will to power.